

сти одна вне другой. В. И. Ленин говорил, что не нужно трех слов для логики, диалектики и теории познания⁹, — здесь же оказываются два слова для одной только логики. Это метафизическая постановка вопроса. Диалектическая логика должна существовать не вне формальной. Она как диалектика категории существует в самой формальной логике и проявляется через формальную логику, так же как она проявляется через математику, физику и любую другую науку, достигшую диалектической стадии своего развития.

---

¹ См.: Асмус В. Ф. Диалектика Канта. М., 1929, с. 96.

² Там же, с. 71.

³ См.: Гильберт Д., Аккерман В. Основы теоретической логики. М., 1947.

⁴ См. напр.: Троепольский А. Н. Новый импульс в исследовании проблем аналитического и синтетического. — В кн.: Кантовский сборник. Вып. 6. Калининград, 1981.

⁵ См.: Уемов А. И. Формальные аспекты систематизации научного знания и процедур его развития. — В кн.: Системный анализ и научное знание. М., 1978.

⁶ См.: Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978.

⁷ См.: Уемов А. И., Цофнас А. Ю. Формальное выражение онтологических утверждений. — Философские науки, 1973, № 3.

⁸ См.: Терентьева Л. Н., Уемов А. И., Цофнас А. Ю. Понимание и объяснение как научные процедуры и их формализация в языке тернарного описания. — В кн.: Системный подход и современная наука. Вып. 6. Новосибирск, 1980.

⁹ См.: Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

И. С. НАРСКИЙ

О ЧЕТЫРЕХ ОТРИЦАНИЯХ В ФИЛОСОФСКИХ ТРУДАХ КАНТА

Соотношение между Кантом и Гегелем, с точки зрения общего историко-философского процесса, может быть охарактеризовано, между прочим, так: Кант обратил внимание на отличия закономерностей процесса познания от законов собственно объективного мира, но понял эти отличия в абсолютном смысле, так что пришел к ложному агностическому тезису о неуменальности мира вещей в себе, а Гегель раскрыл то общее, что соединяет их вместе, т. е. те основания, по которым они друг с другом совпадают, но понял эти основания в абсолютном смысле, так что пришел к ложному идеалистическому тезису о тождестве мышления (познания) и бытия. В философии диалектического материализма преодолены обе эти односторонние позиции, — как кантовская, так и гегелевская, — они коренным образом «сняты» марксистскими положениями о материальном

единстве мира и о диалектическом, т. е. происходящем исторически противоречиво, скачкообразно и никогда не завершено, процессе отражения материи в ее продукте — сознании.

«Сняты» в диалектическом смысле, а значит, с сохранением положительного, рационального содержания. Именно так относится марксизм, например, к решению «докритическим» Кантом проблемы соотношения философии и частных наук, которое, изменившись при переходе Канта от докритического периода к критическому, все же сохранило в себе некоторое прежнее содержание и вместе с тем определенное рациональное зерно. Выступив против онтологической метафизики, Кант подчеркнул *специфичность* философского знания в его гносеологическом и аксиологическом содержании. Проведенное им различие между «рассудком» и «разумом» как раз и способствовало уточнению границы между философией и естествознанием: при всех изъянах кантовской трактовки разума именно через последний Кант «формулировал противоречие как проблему философии»¹, тогда как «рассудок» как категория «критической» философии отнюдь не перечеркнул выдвинутое им в докритический период в плане частных наук (в данном случае астрономии) положение о развитии (о формировании околосолнечного космоса), что дало Ф. Энгельсу основание сделать вывод, что «Гегель в этом случае оказался значительно позади Канта...»². Само по себе положение о развитии той или иной части вселенной, выдвинутое и обосновываемое в частных науках, имеет значение и для философии, но в особенности оно имеет его тогда, когда от анализа происходящего в *частях* мира *mutatis mutandis* переходят к философскому рассмотрению свойств мира *в целом*. На теоретические опасности, таящиеся в этой экстраполяции, указал именно Кант в математических антиномиях чистого разума.

Принцип диалектического снятия в полной мере действует применительно и к взглядам Канта на виды отрицания.

Как известно, кроме двенадцати категорий трансцендентальной аналитики, в определенной мере категориальную функцию исполняют у Канта так называемые рефлексивные понятия, посредством которых категории сопоставляются друг с другом и организуется их взаимодействие с целью применения последних. Это предикабилии, как бы категории второго порядка, и к их числу в «Критике чистого разума» отнесены тождество, совместимость, различие, противоречие и некоторые другие. Достаточное обоснованное будет решение отнести к числу рефлексивных понятий также *отрицание*.

Полезно посмотреть, как функционирует эта добавочная категория у Канта. Ее придется нам называть *добавочной* у Канта, подобно тому как у Гегеля, исходившего при построении категорий *сущности* в «Науке логики» из кантовского перечня рефлексивных понятий, понятие отрицания в число системных категорий учения о сущности все же не вошло и фактически

описывается им как одна из особых *оперативных*, т. е. действующих при построении системы, категорий — категорий, так сказать, проникающих систему насквозь, но в нее как звено не включенных. При этом рассмотрение вопроса об отрицаниях у Канта следует вести так, чтобы не изолировать от этого вопроса тексты «докритического» Канта: ведь Кант «критический» эти тексты не отверг, а лишь перетолковал в феноменалистическом духе, в соответствии со своим дуализмом явлений и сущности. Что касается понятия «отрицание», то плоды «докритического» его анализа Кант впоследствии полностью использовал. Недаром из аналогий опыта³ как одной из групп основоположений чистого естествознания, во второй из которых отрицание в «додialeктическом» смысле играет большую роль, упоминает, как подчеркнул Х. Хольц на Рижском симпозиуме по Канту (1981), одно из начал трансцендентальной диалектики в смысле ее антиномий.

Исследование показывает, что в философии Канта действуют четыре вида отрицания.

В «Опыте введения в философию понятия отрицательных величин» (1763) и в «Единственно возможном доказательстве бытия бога» (1763) Кант выдвинул знаменитое и столь важное для его «критической» концепции различие между отрицаниями формально-логическими и «реальными». Первые из них — это обычные логические отрицания двужаночной логики, участвующие в контрадикциях (*Widersprüche*). Вторые — это те процессы в чувственно наблюдаемом мире, которые направлены на упразднение некоторого другого процесса (*privatio*). Их взаимодействие ведет к появлению реальной борьбы противоположностей (*widerstreiten*). И хотя Кант пишет, что реальное отрицание происходит «без противоречия» (2, 85), он имеет лишь в виду, что оно действует не в связи с собственно логическим противоречием, оно от последнего независимо. Сказанным существование реальных противоречий в эмпирическом мире Кант отнюдь не отвергает. Они реальны не менее, чем сам этот пространственный мир или, говоря словами Гегеля, «огромное эмпирическое царство чувственности и восприятия, абсолютная апостериорность...»⁴. Более того, мы видим, что тезис о необходимости различия между двумя видами отрицания прямо ведет к признанию действительного существования противоречий разных — по крайней мере двух — видов (*Widersprüche, Widerstreit*). Во втором виде противоречия стороны его реально существуют и взаимодействуют, не вступая в конфликт с логическим законом непротиворечия, но образуя как бы «негатив» друг друга. Так, «сила, движущая тело в одну сторону, и равное стремление того же тела в противоположном направлении не противоречат друг другу и в качестве предикатов возможны в одном и том же теле одновременно. Следствие этого — покой...» (2, 85), т. е. «ничто» совсем иного рода, чем при формально-

логической contradикции, где «ничто» означает запрет на существование, пустой предмет без понятия (*nihil negativum*). Ситуация взаимодействия совершенно равных друг другу по силе сторон реального противоречия — это «пустой» (*leerer*) предмет понятия, *nihil privativum* (3, 335). Данное разграничение Кант прямо перенес в «Критику чистого разума», завершая обсуждением его трансцендентальную аналитику.

Мы видим, что Кант понимает реальное противоречие не в движении его к конструктивному синтезу (такое понимание намечается у него в философии истории), но лишь как столкновение качественно различных, равных и противоположно друг другу направленных сил. Однако и это было уже существенным шагом вперед по сравнению с панлогизмом прежних рационалистов. И уже в работе об отрицательных величинах Кант высказал замечательную догадку, что в «столкновении противоположных реальных оснований как раз и состоит совершенство мира вообще, равно как и закономерный ход материальной части его совершенно очевидно поддерживается только борьбой этих сил» (2, 116).

Отмеченный шаг вперед оказывается тем более содержательным, что у раннего Канта намечилось выделение еще одного особого вида отрицания — математического.

Это третье отрицание Канта отпочковывается им в ходе его размышлений над исследованиями математика Авраама Г. Кестнера (1758), не от формально-логического, но от реального отрицания: «математики же пользуются понятием этой реальной противоположности для своих величин...» (2, 87). В этом случае «одна величина исключает из другой равное себе» (2, 88), а когда эти отвлеченные, абстрактные величины равны, то результатом отрицания оказывается арифметический, отличный от эмпирического реального состояния динамической «лишности (*privatio*)», нуль. По сути дела, математическое отрицание мыслится Кантом как отличное и от логического (ибо оно приводит к уменьшению или к нулю, но не к запретной ситуации), и от реального отрицания (ибо оно не приводит к динамическим равновесиям, физической пустоте или деструкциям).

Различение между тремя видами отрицания свидетельствует об отсутствии полного тождества между связями вещей и связями идей, но свидетельствует, согласно Канту, *через посредство* различения между видами противоречия. Ведь «реальная противоречивость есть нечто совсем другое, чем логическая несовместимость, или противоречие, ибо то, что вытекает из противоречия (формально-логического.— *И. Н.*), безусловно невозможно» (1, 418), тогда как реальное противоречие вполне возможно и часто имеет место (здесь оставим в стороне вопрос о том, что и понятие отрицаний в логических contradикциях у Канта в конечном счете не обходится без ссылок на реальные отношения, поскольку в познании формальная логика действует

не в вакууме обособления от эмпирического материала, но в соединении с последним).

Из сказанного выше видно, что в понятиях реальных отрицаний и противоречий у Канта содержится зародыш понятия объективно-диалектических отношений, что Шеллинг и Гегель затем и не преминули использовать.

Но нельзя пройти мимо четвертого вида отрицания у Канта. Это — взаимоотрицания тезисов и антитезисов в антиномиях космологических идей чистого разума. В коллективной работе «Философия Канта и современность» (1974), а также в некоторых статьях на страницах «Кантовского сборника» я в свое время достаточно подробно разъяснил, что действующие в антиномиях Канта отрицания суть элементы зародышевой формы антиномий — проблем, т. е. особых противоречий процесса познания, в которых диалектические соотношения приобретают «заостренную» формально-логическую форму, а проблемность и утвердительность как бы «спорят» друг с другом, и в то же время переходят одна в другую и никак не достигают примирения, пока не произойдет разрешение данной антиномии или то, что Кант считал за ее разрешение. По сути дела, антиномии чистого разума — это зачаток субъективно (т. е. гносеологически) диалектических отношений, ибо здесь вопрос рассматривается «не с точки зрения объекта (objektiv), а с точки зрения фундамента познания, на котором оно основывается» (3, 446).

Итак, перед нами четыре вида отрицания у Канта — отрицание формально-логическое, реальное, математическое (арифметическое и алгебраическое) и диалектико-антиномическое. Последний из этих видов действует также в «мнимых противоречиях» вроде апорий Зенона, при том условии, что последние недопустимым образом экстраполируют. Так, в случае апории «летающая стрела», в которой возникает ситуация, что стрела одновременно будто бы и движется и покоится, если ее перенести на всю бесконечную действительность, проделав это путем замены «стрелы» «миром в целом», получается, что оба эти отрицающие друг друга разные утверждения (о движении и о покое данного предмета) к предмету «мир в целом» уже не применимы и в *этом* смысле как бы ложны. В данном случае проблемное взаимоотрицание «падает», не успев себя в полной мере проявить⁵.

Строго говоря, к перечню видов отрицаний у Канта можно добавить еще одно, понятийное, а именно то, которое образует *ens rationis* и *ens imaginarium* в заключении к разделу об амфиболиях рефлексивных понятий в «Критике чистого разума», но для целей настоящей статьи в анализе этого дополнительно-го если не вида, то хотя бы оттенка, отрицания необходимости, полагаем, нет.

Указанные четыре вида отрицания встречаются в частных науках все без исключения (при условии, если будем считать допустимым строить новые антиномии по образцу антиномий космологической идеи). У самого Канта дело обстояло несколько иначе. Скажем, в его «Всеобщей естественной истории и теории неба» (1755) налицо «отталкивание» как реальное отрицание и «притяжение» как отрицание в отношении отталкивания. В сочинении «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма» (1762) в ходе своих критических рассуждений Кант «внутри» исследуемого им частно-логического материала оперирует логическими отрицаниями. Что касается антиномических отрицаний, то Кант избегал перенесения антиномий не только в частные науки, но и внутри своей философской системы за пределы трансцендентальной диалектики. Но разве его математические антиномии безразличны для частных наук, а антиномии его философии истории не затрагивают историю как частную науку?

Но и в «докритический» период, как и в более позднее время, Кант не мог указать на конкретные принципы приложения своей предикабилии «отрицание» к опыту, как он не смог сделать этого в отношении собственно категорий (о чем была речь в нашем докладе, представленном на симпозиум «Кант и современность» в Риге 27—28 октября 1981 г.); оставалось уповать на принцип телеологии.

Интересно заметить, что попытки разработать конкретное применение кантовской предикабилии «отрицание» к опыту делались некоторыми учениками Канта. Так, применительно к проблематике математической химии такую попытку предпринял в 1792 г. Иеримия Б. Рихтер в изданной в Бреславле книге «Основоположения (Anfangsgründe) стохиометрии или измерения химических элементов». Однако принципы приложения им к опыту понятия отрицания определялись, по сути дела, результатами его собственных частнонаучных исследований.

Дальнейшая судьба воззрений Канта на проблему четырех видов отрицания связана более всего с философией Гегеля, а затем с диалектическим материализмом. Гегель осуществил, несомненно, глубоко прогрессивную критику агностицизма и метафизических моментов у Канта. Но он же ошибочно отождествил собственно диалектически понятые им реальные отрицания (и соответственно объективные диалектические противоречия) с антиномическими противоречиями познания. Ход его мысли в ряде случаев, впрочем, шел по противоположному пути, на котором, наоборот, антиномии отождествлялись им с объективными противоречиями. Математические отрицания толковались Гегелем либо как диалектические вообще (при исследовании математического анализа), либо пренебрежительно оценивались им как рассудочно-метафизические (при характеристике количества). Столь же расщепленной у Гегеля оказалась и трак-

товка формально-логических отрицаний: в соответствии с двойственной трактовкой им рассудочной деятельности они то отбрасываются в состав класса косно-метафизических операций, то (в случае «заостренных» противоречий познания) безоговорочно превращаются Гегелем в диалектические. Любопытно, что в своей ранней работе «Различие между фихтевской и шеллинговской системами философии» (1801) Гегель втиснул все диалектические отрицания в понятие «раздвоение» (*Entzweiung*), а все виды диалектического синтеза неточно назвал «антиномиями»⁶.

Философия марксизма преодолела эти ошибки абсолютного идеалиста Гегеля и развязала сплетение возникших у него нелепостей и познавательных тупиков. В свете теории отражения рациональные моменты кантовских разграничений между видами отрицаний в принципе получают свое относительное оправдание и положительную оценку. Но этим разграничениям не хватало диалектики. Дело за дальнейшим диалектическим анализом данной интереснейшей и плодотворной проблемы. Кое-что ныне уже сделано. Показывая *внутренние связи* между этими видами отрицания, мы видим, что, например, в антиномиях происходит *подлинно диалектический переход* одних отрицаний в другие. Анализ должен быть продолжен.

---

¹ Anneliese. Engels. «Dialektik der Natur». Teoretische Konzeption und philosophiehistorische Voraussetzungen. — «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1981, № 6, S. 619.

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 12. Заметим, что в отличие от Канта Гегель, после своей неудачи с магистерской диссертацией, относился к астрономии вообще пренебрежительно.

³ Их роль в судьбах кантианства вообще велика. Недаром с их анализа начался отход Ласса от кантианства к позитивизму.

⁴ Hegel G. W. F. Differenz des Fichte'schen und Schelling'schen Systems der Philosophie. Leipzig, 1981, S. 16.

⁵ Ср. оценку в данной связи этой апории Зенона в нашей статье: Проблема противоречий в мышлении (Зенон Элейский, Кант, Гегель). — В кн.: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Вып. 3. Калининград, 1978, с. 31.

⁶ Hegel G. W. F. Op. cit., S. 38 etc.

Б. И. ФЕДОРОВ, О. Ф. ТЕРЕБИЛОВ

ПРОБЛЕМЫ ЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ У И. КАНТА И Б. БОЛЬЦАНО

Границы логики, как полагал И. Кант, определяются тем, что в ней рассудок имеет дело лишь с самим собой и со своей формой. Отсюда, из этой определенности границ,— законченное совершенство самой науки: ни одного шага назад, ни одного